

РУСЬ-ЖЕНА

БЛОКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ-100

ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ, критиков, поэтов, любителей российской словесности до сих пор приводит в изумление блоковский образ из цикла «На поле Куликовом»:

*О, Русь моя! Жена моя!
До боли
Нам ясен долгий путь!*

Необычность, раздражающая новизна сравнения кому-то может показаться случайным для Блока пробелом вкуса. Один современный поэт, указав именно на это сравнение, попытался даже средствами своей иронии скомпрометировать его.

Сравнение «Русь — жена» отнюдь не случайно, и уж никак нельзя отнести его к проблемам вкуса. Если проследить развитие образа России в лирике Блока, его обогащение все новым содержанием, то станет очевидно, что в высшей степени требовательное отношение поэта к слову, смыслу и оттенкам смысла. Ничего случайного, лишнего, пустопорожного.

Когда Русь для него еще тайное тайных, поэт довольствуется виденным и слышанным, реками и дебрями, болотами и журавлями и «мутным взором колдуна» («Русь»), — он уже может сказать:

*Так — я узнал
в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.*

Стихотворение из цикла «На поле Куликовом» — «Мы, самодруг, над степью в полночь стали...» — кончается таким двустишием: «Помяни ж за раннюю обедней мила друга, светлая жена!».

Здесь не найти прямого ассоциативного хода, сближающего образ «светлой жены» с родиной, Россией, и все же в контексте эта близость угадывается.

Русские полки изготовились к битве с «поганой ордой». Воин, «к земле склонившись головою», призывает друга «острить меч, чтоб «за святое дело мертвым лечь!». Этому предшествуют лирические строки, которые и дают повод — не прямо, а опосредованно — сблизить образ «светлой жены» с образом родины.

*Я — не первый воин,
не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!*

В знаменитом стихотворении «Россия» знакомый уже образ ее дополняется весьма существенной для уяснения сути обсуждаемой темы живописной деталью: «...А ты все та же — лес, да поле, да плат узорный до бровей...». Деталь, ассоциативно связывающая образ России с образом женщины. И там важен еще один мимолежный штрих — «мгновенный взор из-под платка...».

Правда, тут же, рядом, завершающая образ «мужская» подробность — «глухая песня ямщика», но эмоциональный акцент сделан, пожалуй, не на том, что это песня ямщика, а на том, как она звучит («когда звенит тоской острожной...»). Образ России и здесь гяготее в своих сравнениях к женским образам.

Еще одно стихотворение, на-

писанное в 1909 году (цикл «На поле Куликовом», как и «Россия», написан в 1908 году), — «Осенний день». Россия, «нищая... страна», увидена поэтом с высоты журавлиного лета. Привожу концовку стихотворения:

*О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?*

Каков адрес второго обращения? Тот же, что и в первом двустишии, но уже заключенный в метафору? Или это другой — прямой адрес? Теперь есть достаточные основания сказать: «бедная моя жена» — это Россия «низких нищих деревень», ее образ. Шемящее чувство любви к ней раскрывается с первых же строк стихотворения, и Блок — уже в ином образном ряду — повторяет здесь сравнение, с которым мы впервые встретились в цикле «На поле Куликовом».

И еще один женский образ, олицетворяющий в стихах Блока Россию, служит подтверждением неслучайности, внутренней органичности сравнения: Россия — жена Вот он:

*Черный уголь —
подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь
и жених,*

*Но не страшен, невеста,
Россия,
Голос каменных песен твоих!*

Строки эти взяты из стихотворения «Новая Америка», написанного уже в 1913 году, стихотворения, раскрывающего чрезвычайно важный аспект мировоззрения Блока — его отношение к промышленному прогрессу, или, как ныне мы говорим, к НТР. Но это — особая тема. Отметим только, что «черный уголь» (говоря языком деловой прозы, горнодобывающая промышленность) выступает в образе «царя и жениха»! Жениха России! Это она, Россия, «невеста» «черного угля», это в их «браке», в их соединении видится будущее страны.

В лирике Блока есть несколько «сквозных» образов, по которым прослеживается его идейно-нравственная и эстетическая эволюция, например, образ ветра, вьюги, метели, получивший свое завершение в поэме «Двенадцать» и подхваченный молодой советской прозой и поэзией двадцатых годов. Россия — жена — невеста — образные вехи мировоззренческого порядка, органически вписанные в поэтику Блока, рожденные его искренней, выстраданной любовью к России.

А.Л. МИХАЙЛОВ